

БОРИС ШАПТАЛОВ

АНТИ-БЫКОВ

Литературоведческая эпопея продавшегося таланта

Лекции писателя Дмитрия Быкова, посвященные литературным произведениям, довольно известны. Известны потому, что интересны как по стилю, так и по содержанию, и ещё потому, что усиленно распространяются в интернете. Это значит, что их финансируют некие добрые дяди. И вроде бы они молодцы, ибо пропагандируют культурные ценности. Так сказать, сеют по миру вечное и... Но тут возникает заминка: доброе ли? А целевая аудитория Д. Быкова и его спонсоров – дети, подростки, молодёжь в целом. Как говорится – наше будущее. И авторы передач хотят видеть это будущее вполне определённым, заряженным нужной им идеологией, имя которой “либерализм”. А любая идеология – это искусство пропаганды – раз, мастерство передергивания фактов – два, манипулирование сознанием слушателя – три. Все ради цели – внедрить в сознание объекта нужные ценностные установки, которые будут влиять на его поведение. Чем Быков талантливо и занимается, а его кураторы тиражируют усилия бывшего демократа, ныне окончательно перешедшего на сторону либералов, с которыми он пытался даже воевать в 1990-е годы*. Но российских демократов читать лекции в США не позовут и платить по хорошему расценкам не будут даже в России. Другое дело – либерал. О, это совсем другое дело, ибо нынешний российский либерал – составная часть так называемой “пятой колонны” и глобальной политики великих держав.

Но не только либералы призваны манипулировать общественным сознанием. Ими также манипулируют давно известными в мире средствами, подкупом прежде всего. Впрочем, во все времена продажа души было делом выгодным. Материально, конечно. Дмитрий Быков полноценно проделал соответствующую эволюцию, поставив свой талант бывшего вундеркинда на службу вполне определённым силам. Сия нелицеприятная оценка требует доказательств, поэтому перейдём к делу, проанализируем некоторые лекции (“открытые уроки” для школьников) бывшего демократа.

“Обломов”

Д. Быков начинает урок-лекцию школьникам с объявления, что роман Гончарова – произведение крайне скучное, и прочитать до конца нет никакой возможности. Почему он солгал?

* Демократ отличается от либерала тем, что первый придерживается консервативных моральных и политических принципов в рамках народоправия, а либерал с XX века стал проповедником свободы вседозволенности, антипатриотизма (патриотизм – составная часть инстинкта самосохранения народа), а применительно к России ещё и проводником компрадорской психологии. Они те, кто, критикуя власть, целятся в страну.

В вопросе оценки любого литературного произведения присутствуют разные обстоятельства. Восприятие личности всегда индивидуально, и то, что нравится одному, может совсем не понравиться другому. Восприятие и вытекающая отсюда оценка определяются жизненным опытом, эстетическими пристрастиями, внушением (авторитетом) других лиц. Наконец, просто моментом жизни. Та или иная книга (фильм, спектакль) может попасть под “настроение”, а может и нет.

Вкусовые оценки всегда пристрастны, и Быков их демонстрирует почти в каждой лекции. Быков крайне субъективен как в восхвалении произведения, так и в его критике, и рассчитывает на то, что ему будут верить на слово. Он может хвалить произведение как выдающееся, которое не “прокатит” у другого. Причина тому понятна. Быков нередко упоминает, что книга, произведшая на него глубокое впечатление, прочитана в детстве. Но в детстве любая книга воспринимается как открытие. В этот период всё ново. Однако с числом прочитанного и просмотренного новизна и свежесть восприятия идёт на убыль. Читающий всё чаще сталкивается с повторами сюжетов, схожестью типов персонажей и художественных приёмов. Он может не осознавать этого, но подсознание фиксирует повторы, и интерес постепенно угасает. Запойный период чтения книг в детстве и отрочестве сменяется умеренным “потреблением” книг в зрелые годы и потерей интереса к чтению в старости, ибо уже “ничто не ново под луной”. Возможно, что Быков ознакомился с “Обломовым” в “насытившийся” период, и этот интереснейший роман, написанный великолепным литературным языком, не оставил у него должного впечатления. И пусть! Есть люди, погружённые в культуру, которым при этом активно не нравится язык и образы Достоевского. Ну и что? Вселенная литературы беспредельна, и каждый найдёт себе писателя по вкусу. Но Быков не просто заявил, что роман не читабелен, он делает то, что ни один учитель делать не должен, — он отговаривает читать его своих учеников (а равно слушающих его в “сети”): мол, роман “невозможно прочесть”. И вот это уже интересно, ибо Быков как опытный пропагандист ничего не делает “просто так”, заранее не обдумав свои ходы. И это только кажется, что лектор забывается и противоречит себе в конце урока, вдруг заявляя на голубом глазу: Гончаров со своим романом попал в первый литературный ряд “потому, что уж больно хорошо написано”.

Создаётся впечатление, что Быков не советует читать “Обломова” потому, что предпочитает, чтобы восприятие живой ткани романа у молодых людей шло через его оценку. А эта оценка идеологична и направлена, как многие его инвективы, против российского государства и российской истории. Его подспудная цель в большинстве лекций — воспитание стойкого скептицизма вплоть до неприятия России и той частью общества, которая не воспринимает либерализм.

Известно, что эпоха Николая I была временем реакции, временем, когда жизнь общества сковывалась жёсткими цензурно-полицейскими рамками и государственной идеологией, призванной воспитывать в людях чиновочитание, верноподданничество, некритичное мышление, покорность любым действиям властей и восприятие действительности как вершины и предела социального движения. Этакое “остановись, мгновение, ты прекрасно!” У Николая I есть свои почитатели, но Быкова интересуют не любители “крепкой руки”, а нечто иное, более глубинное: “. . . роман о преодолении сна написан, и об отсутствии мотивации пишется в эпоху сна, эпоху тотального оцепенения”.

Роман о социальном сне написан в эпоху отсутствия мотивации к пробуждению. Красиво сформулировано! Более того, раз за разом в сознание слушающих внедряется тезис: “Россия — это страна, в которой мотивации нет, а есть лишь ленивое существование и бесконечное терпение”. Но верно ли это? Такая ли убого-ленивая у нас страна? В якобы сонном царстве бурлила активная созидательная жизнь. В эпоху Николая I творили Пушкин, Гоголь, Лермонтов. Начали свою литературную карьеру Достоевский, Гончаров, Тургенев, Некрасов, Салтыков-Щедрин. Литературная критика расцвела благодаря Белинскому, Добролюбову, Ивану Киреевскому, Аполлону Григорьеву. В музыке явил свой талант Глинка, в живописи — Брюллов и Федотов. И т. д. Так что с мотивацией в ту эпоху было всё в порядке, а вот с властью. . . Погибли Пушкин и Лермонтов, на каторгу отправился Достоевский. Получается, что обломовщина не была главным выражением того времени. Но именно этот

момент Быкова как раз и не устраивает. У него “Обломов” — “книга о том, как Россия проспала на своём диване все свои исторические шансы”. На самом деле “проспала” не Россия как таковая, а правящая элита. И будет это делать ещё не раз.

Быкову нужно выработать у молодёжи нужное восприятие России. Не просто понимание сути конфликта активной части общества и правящего класса, а представление о порочности российской истории как таковой. Правда, он оговаривается, что нельзя всё валить на эпоху (мол, “время было такое”). Но эта “объективность” — ради маскировки. Вызвав доверие у слушателей своей “объективностью”, Быков делает шахматный ход конём по голове. “Катастрофе режима предшествовала крымская катастрофа... Всегда с Крыма в России начинается упадок”, — утверждает Быков. Он, как всякий российский добропорядочный либерал, сторонник постулата “Крым не наш”. Либералов не интересует мнение населения Крыма. Им достаточно мнения Госдепа США. Сказано, что “Крым цз Украина”, значит, так и есть. И никакие съезды на историю и референдум не имеют значение. И в оправдание этой позиции идут любые аргументы, в том числе литературные. Илья Обломов мил определённой части интеллигентствующих. Обломов хотя и не делает карьеру, но он свой по духу. Что это за дух? Это возможность воспарить над суетной жизнью. Не только противопоставить себя ей, постылой, а встать над ней. Так делают монахи, уходя в скит, отгородившись от мирского бытия ради спасения своей души. Обломов ушёл в свой “скит”, только стараясь сделать свою полумонашескую жизнь сладкой и по возможности безмятежной. А что взамен?

Быков внушает отрокам: Обломов “опускается социально, а морально остаётся на прежней высоте”. Ой ли? Чтобы понять, что это не так, надо прочитать роман, где пошагово показана деградация асоциальной личности, где автор раздражается обличительным монологом о страшной болезни, которая называется “обломовщина”. Но этого как раз учитель ученикам читать не советует, предлагая верить его оценкам на слово. В том-то и дело, что Обломов опускается и социально (в бедность), и физически, и морально, становясь “тряпкой”, отдавая деньги любому проходимцу, пока не остаётся на иждивении вдовы. В сущности, он объедает эту женщину и её детей. Хорошо, что вмешивается Штольц и железной рукой наводит порядок в обломовских материальных делах. Кстати, “сухарь” Штольц не только спасает Илью Обломова от нищеты и позора, но и пристраивает затем у себя его слугу — никчёмного Захара.

Быков всегда безапелляционен. Это его кредо. Раз он так чувствует и мыслит, значит, так оно и есть на самом деле. Все его лекции — это непрерывный поток субъективных впечатлений и умозаключений, выдаваемых за истину. Девятая глава “Сон Обломова” с описанием комфортно-приемлемого мира в грёзах Ильи превращается у Быкова в психоделику: читатель якобы впадает от неё в гипнотический транс. Он будто бы с трудом борется со сном и переходит в состояние полубреда. Остаётся лишь подивиться фантазийной отзывчивости читателя Быкова, всегда готового увидеть в произведении то, чего там нет, но что соответствует позывам его сознания и извивам подсознания. Показательно, что Н. Михалков в своём фильме сделал из сна Обломова сатирическую и одновременно лирическую вставку о детстве Ильи. Что значит трактовка! Тем более, что глава “Сон Обломова” есть, в сущности, рассказ о семье Ильи, об имени и близлежащей деревне, о его детских годах...

Кстати, о трактовке. Одни и те же события и явления можно объяснить по-разному. Одинаковость царит лишь в мире неживой материи, да и то в известных пределах, пока не доходит до Вселенной или квантового микромира. Вот как трактуется в лекции вереница посетителей на квартире Обломова. Зачем они к нему ходят? Ответ: Обломов “демонстративно отказывается двигаться, и в результате мир вертится вокруг него”. Вряд ли имеет смысл соглашаться с таким выводом, ибо он никак не подтверждается самой жизнью. Попробуйте долго оставаться дома. Какое-то время знакомые вас будут донимать, а потом всё упокоится и вас забудут. Куда толковее другое замечание Быкова: “Спит Россия, а разного рода идеи и соблазны пытаются её разбудить”. Но это замечание общего свойства, что же касаемо главного героя романа, то посетитёры, по мнению Быкова, хотя, чтобы “Обломов их похвалил, потому что на фоне его покоя все они занимаются суетой”. Это не так, но для того, чтобы убедиться в этом, надо опять же прочитать роман.

Ходят к Илье Обломову разные люди по разным причинам: одни – от нечего делать, другие – чтобы занять денег, ибо отдавать не придётся... Но раз Быкову хочется глобальных обобщений, то можно дать следующую трактовку: Обломов не просто некий человек, а дворянин, член господствующего класса, да к тому же владелец порядочного имения в несколько сот душ. Он представитель элиты! А ходят к нему плебеи. Общение с дворянином не менее почётно, чем в XX веке станет знакомство рядовых граждан с актёрами и писателями. Элита ведь бывает разной...

Так вот, по поводу элиты. Если бы Гончаров написал о некоем ленивом человеке, то вряд ли роман имел бы большой резонанс. Мало ли кто лентяйничает, спивается и тому подобное. Это тема рассказа или фельетона, но не большого произведения. Обломов же не просто некий странный человек, предпочитающий диван всему остальному. Илья Обломов – управленец! “Директор” большого аграрного предприятия. В его подчинении несколько сот человек. И от умения вести дело зависит благополучие и сама судьба большого числа мужчин и женщин. И он не просто лежит на диване вдали от суетного мира, а последовательно и методично проедает доход данного предприятия, обрекая на нищету вверенных ему людей. И Обломов сознаёт своё предназначение и в мыслях постоянно возвращается к проектам усовершенствования имения, проведения реформ... Ах, как это знакомо! И насчёт проектов реформ, и насчёт мечтаний о процветании имения, области, страны... И все они премилые люди! Но оказывается, мало быть милым человеком, требуется ещё нечто.

“Обломов”, “Вишневый сад”, “Дядя Ваня” и т. д. – это картины энергетического умирания правящего класса. Крах режима был связан не с “Крымом”, а с потерей правящей элитой того качества, которое нередко именуют пассионарностью.

Пассионарность дворянства угасла вследствие паразитарного существования. Крестьяне исправно производили прибавочный продукт (капитал), большая часть которого, однако, шла не на развитие (через инвестиции), а проматывалась разными способами. Ситуация зеркально повторилась в постсоветское время, и это также не имеет никакого отношения к Крыму.

Гончаров почувствовал неблагополучие и сумел отразить процесс деградации дворянского сословия художественными средствами, создав сильный образ, ставший типическим. Но Быкову надобно типическое в ином ключе, чтоб про спящую, рабскую Россию и Крым, как источник зол...

Кстати, о природе зла.

“Мастер и Маргарита”

Д. Быков характеризует произведение как “вреднейшую книгу”. Это удивляет, если не принимать во внимание его идеологическую миссию. В романе речь идёт о тёмных силах, то есть о том, с чем Быков накрепко связался и теперь уже не выпутается. И в своём иудстве ему придётся идти до конца. Он стал тем “мастером”, который думал, что напишет текст, получит гонорар и тем всё обойдётся. Как вдруг заказчики явились по его душу... Мастер в романе вызов не принял, а попытался спрятаться в сумасшедший дом. Быков же вызов принимает, только ответный вызов бросает... роману М. Булгакова. Точнее – самому писателю, так нерасчётливо написавшему о сделке с дьяволом, да ещё под таким углом... Нет, чтобы живописать в духе вегетарианского “Фауста”...

В основе “концепции” Быкова лежит ложь (а что делать, раз идеология того требует!). Лектор объявил, что Булгаков писал свой “закатный” роман для Сталина и, в общем-то, больше ни для кого, не считая узкого круга друзей.

Вторая ложная посылка: будто книга “Мастер и Маргарита” схожа с эпосом об Остапе Бендере. Мол, Воланд – это сам Бендер, Азazelло – Шура Балаганов, Коровьев – Паниковский. Аргументы “убийственные”. Азazelло и Балаганов – рыжие, Коровьев носит канотье, как и Паниковский (на самом деле Коровьев носит жокейскую кепочку, но не будем придираться). И неважно для лектора, что характеры данных персонажей диаметрально противоположные. “Дух пустыни” и профессиональный убийца Азazelло никак не схож с добрейшим Балагановым, клоун Коровьев – с преисполненным самомнения Паниковским.

“А Козлевич?!” – воскликнул бы Балаганов, поражённый, что его приписали к дьявольскому племени. Оказывается, по версии Быкова, раз спутником Сатаны является чёрный кот, и вроде бы ещё Сатану иногда сопровождает чёрный козёл, то можно указать на шофёра Козлевича в свите Бендера в качестве аналога кота Бегемота. Притянута за уши, но зато концы связаны. Спасибо ещё, что Быков не увидел в Зосе Синицкой двойника Геллы. Можно представить, в какой ужас пришла бы милая Зося, узнав, что её подозревают в том, что она может ходить развязно-голой перед мужчинами.

Все эти литературоведческие изыски можно было бы приписать лёгкому характеру Быкова, если б лектор не был настроен очень серьёзно. А вещает он, будто Булгаков своим романом говорит Сталину (цитирую): “Мы понимаем, что Ты зло. Мы даём тебе на это моральную санкцию потому, что с этими людишками иначе нельзя, но не трайгай художника. Потому что художник – это то, что останется от Твоей эпохи”.

То есть Булгаков предстаёт у Быкова подлецом. Мол, ты истребляй сколь хочешь людишек, но корми и оберегай нас, художников, которые собственно и ваяют славу твоему правлению. И ради этого посыла (извиняюсь: мессиджа) Булгаков корпел над своим романом десять лет! Ну, прямо-таки раб на галерах! Но раб не простой, а идейный. Причём раб, относящийся к России, как нынешние российские либералы, для которых народ здесь – “людишки”, ибо не хотят голосовать за “общечеловеческие ценности” в лице представителей либерального лагеря, чтобы те заняли подобающее им место во власти (у корыта, если быть точным) и распорядились бы страной так, как они сделали это с вековым наследством при Горбачёве и Ельцине.

Быков на этом не останавливается и, напомнив о сценах изъятия валюты и прочих административно-уголовных мерах, описанных в романе, заявляет: “Это сатира или лесть? Думаю, лесть. Это описание тайной полиции как чего-то прекрасного”. И далее (лгать так лгать под видом новаторского прочтения!): “В романе самый обаятельный герой, помимо Пилата, – это Афраний, начальник тайной полиции”.

За что же так Быков отхлестал по щекам уважаемого Михаила Афанасьевича, который, разумеется, ничего общего с нарисованной на него карикатурой не имел, для чего достаточно ознакомиться с биографией писателя? Тут можно строить предположения в духе самого Быкова. Например, что лектор был уязвлён описанием писательской братии и, соответственно, его самого, начиная от способа продажи своего пера сильным мира сего до чревоугодия в ресторане Дома литераторов. Но согласимся, что для идеологического работника высшей категории – это мелко. Его задача – “форматировать сознание” молодёжных масс, потому надо понять, чем не угодил либералам (а точнее, деградантам – активным и талантливым носителям энтропии) Михаил Булгаков, несмотря на свой антибольшевизм, пример чему – “Собачье сердце”, а также “Мастер и Маргарита”? Когда Быков или Чубайс говорят, что не любят Достоевского, – это понятно: уж больно тот плохо отзывался о либералах, причисляя их наряду с ультра-революционерами к бесам. Но Булгаков-то в чем провинился?

В чём можно согласиться с Быковым, так в том, что Булгаков, как и подавляющее большинство советских писателей, попал под обаяние Сталина. И это понятно: Сталин был гением. Пусть и тёмным (или сумрачным), но гением. При нём Советский Союз рванул к высотам, о которых царям лишь мечталось. А о масштабах репрессий стало известно много позднее. Зато были открытые судебные процессы, на которых Бухарин, Рыков и прочие зиновьевы с каменевыми каялись в своих преступлениях против народа. Так что сомневаться в арестах не представлялось возможным. Но Булгаков почувствовал нечто дьявольское в событиях своего времени и придумал ознакомительный (или может, инспекторский?) визит мессира Воланда в Москву. Но то была чисто художественная интуиция. И писался роман не на злобу дня, а как способ заглянуть в зазеркалье. Кто они, эти закулисные силы? Злобные твари, как живописалось в религиозной христианской традиции, или нечто иное? Булгаков описал их как “нечто иное”. Как довольно симпатичных и привлекательных персонажей. Почему? Во-первых, их история началась с восстания ангелов под предводительством Люцифера, чьё имя переводится как Светоносный. Ангелы и вождь с таким именем заведомо не могут быть уродами. Во-вторых, тёмных Булгаков видел в жизни. Стоит почитать воспоминания о представителях карательных органов, чтобы в этом убедиться. Нарком внутренних дел

Ягода и его заместитель Агранов были вхожи в литературные салоны. Водили дружбу с деятелями искусства. Многие члены сталинского Политбюро также были великими любителями театра и музыки. Власть оказывала огромную помощь культуре. Сталин неустанно следил за литературными и киноновинками и отмечал отличившихся наградами. А какие смешные комедии создавались в 1930-е годы! “Весёлые ребята”, “Волга-Волга”, “Цирк”... Так почему бы в свите Воланда не оказаться отменным шутам, а самому Воланду не предстать мудрым и обаятельным представителем тёмной стороны космических сил?

Булгаков описал явление тёмных не лобово, а как оно есть на самом деле, ибо кто возразит, исходя из собственного опыта, что зло не притягательно? Что оно не умеет драпироваться в интеллектуальные и даже гуманистические одежды? В конце концов, мир симметричен, зеркален и диалектичен, а диалектика в СССР была провозглашена главнейшим методом познания объективного мира в его субъективных проявлениях.

Булгаков проделал свою работу виртуозно: и как художник, и как мыслитель, чем поразил советских людей, не предполагавших, что можно взглянуть на мир с таких позиций. Это сейчас на телевидении даже существует специальный канал, вещающий о всевозможных “тайнах” и “шокирующих гипотезах”, которые давно уже никого не шокируют, так что “Мастер и Маргарита” у нынешнего читателя прежнего удивления и восторга уже не вызовет. Поляна затоптана. А в момент опубликования романа читателя будто выбрасывали из лесной чащи на луга. Оказывается, есть и другие панорамы, другие краски!

Но если Булгаков и оценил значимость Сталина, то нет никаких данных, что он “благословлял” его на репрессии против народа. Такое предположение – чистой воды поклёп. Но он Быкову нужен, чтобы уложить сей кирпичик в свою концепцию. А она не сводится к Булгакову. Наш лектор мыслит шире, ибо претендует на своё собственное литературоведение (для чего отчасти затеяна вся многотомная лекционная эпопея) и свою “тайную” доктрину (а чем он, гений-вундеркинд, хуже какой-нибудь Блаватской и иже с нею?). О замахе свидетельствует классификация сюжетов. В их чередё Быков выделяет, по его мнению, центральный – сюжет о путешествующем трикстере.

Трикстер – это отчасти плут, но не тот, что чистит карманы лохов. Трикстер, прежде всего, весёлый фокусник и бродячий проповедник одновременно. Он совершает чудеса во имя некоей идеи. И первым плутовским романом такого рода Быков называет Евангелие! Там проповедник “откалывает” много фокусов: превращает воду в вино, исцеляет паралитиков, воскрешает мёртвых, ну, и проповедует в паузах...

Не слишком ли парадоксально для человека, называющего себя православным? Правда, кто ныне не православный (да простит их Господь)? Кого среди этой толпы нет – от Ксении Собчак до... до Дмитрия Быкова. Это тот тип верующих, что и душу продадут, и одновременно обеспечат ей вечное блаженство в райских куцах. Таких верующих во все времена было предостаточно. При Иисусе Христе их называли фарисеями, в другие эпохи – по-другому, но суть, по большому к счёту, одна. Они всегда приспособивали религию к своим нуждам и подводили под эту нужду весьма привлекательную теорию. Вот и Быков делает красивый ход, заявляя: “Воспитать человека можно не добром или злом, а только чудом”.

Бедный Антон Макаренко, который приехал в колонию бывших беспризорников и принялся воспитывать пацанов обычным трудом, ответственностью за общее дело и личным примером. А равно воспитатели-идеалисты из повести “Республика Шкид”. Так чудо нужно или чудеса? И как отличить одно от другого, например, чудеса Воланда в театре-варьете, проведенные, скажет иной читатель, в воспитательных целях, дабы отучить присутствующих от алчности, от чуда духовного преображения, что пытался сделать Христос?

Воланд – трикстер, и Остап Бендер – “трикстирующий” плут (пробавлялся одно время факиром), поэтому через их свиту Быков связывает одного с другим. И Иисус оказывается в одной компании с Воландом и Бендером, ибо тоже трикстер. А теперь вопрос в духе “Что, где, когда?": “Не является ли сам Дмитрий Быков трикстером, вытягивающим из своей шляпы кроликов, голубей и прочую живность? А в уши слушателей вдувающий галантерейно-цветастый идеологический товар?”

Быков убеждает слушателей, что многие известные произведения – пародии. “Гамлет” – пародия на первоисточник, датскую хронику, “Дон Кихот”,

понятно, пародия на рыцарские романы... Даже Евангелие – это пародия на Ветхий Завет. Быков путает и, думаю, сознательно пародию и переосмысление, ставя знак равенства между ними. Итак, если мир, по Шекспиру, – театр, то, по Быкову, классическая литература – это изысканная пародия на “просто” литературу. Поневоле хочется спросить: а сам Быков пародия на что? И это не праздный вопрос. Быков, как профессиональный трикстер, искушает слушателей тем, что пародирует их умственные способности. Почти каждая лекция – это испытание здравого смысла внимающих, зачёт уровня их логики. Он вываливает на слушателей лошадиные дозы “новаторства”, как бы вопрошая: “Вы и на этот раз всё безропотно проглотите?” И ведь глотают! И с восхищением. Шутка ли: на их глазах родниковая вода превращается в “Портвейн 777”, а хромые становятся умственными паралитиками.

Быков – трактователь. Этим он отличается от литературного критика. Тот по своей профессиональной задаче должен раскрыть идею и проблематику произведения, показать художественные особенности метода писателя, арсенал его образных средств и пр. Быков такими “глупостями” не занимается. Он трактует текст так, как ему хочется, выдёргивая оттуда требуемые ему детали и подвёрстывая их под свой идеологический замысел. Действительный же замысел писателя его принципиально не интересует. Он всё знает за самого литератора. Быков – кукловод. И дёргает за ниточки не только слушателей, но и самих писателей. Те-то думали, что это они демиурги, а он своими лекциями доказывает, что Демиург над всеми ими Он! Ну, разве перед вами не Воланд, пусть и в другой ипостаси?

Вот почему Быкову негоден Булгаков: тот возомнил себя творцом и распорядителем своих героев. Ну, уж нет. Булгаков – раб обстоятельств и слуга Сталина-Воланда. И лишь Быков хозяин положения. Он в контрах с властью (на то и власть, чтобы на неё ворчать, особенно когда это не возбраняется властью, и совсем клёво, когда за критику прилично платят), он управляет с произведениями и писателями так, как ему хочется, и фокусничает перед аудиторией в духе и Га-Ноцри, и Воланда, и Бендера, и кого угодно. Это его стезя, в этом его призвание, на этом пути он зарабатывает свои основные деньги, в этой сфере он становится лидером либеральной культуртрегерской тусовки с прицелом превратиться если не в пророка и властителя дум (а хочется!), то в одну из звёзд эпохи. Чтобы потомки затем писали книги и диссертации о творческом пути великого Дмитрия Быкова. А пока... А пока он будет кромсать по своим лекалам попавшиеся под руку чужие творения.

Быков в качестве интерпретатора одновременно метафизик и диалектик. Он мыслит глобально, для чего расчленяет произведение путём унижения автора и его творения. А потом, как и полагается демиургу (“на всё моя воля!”), возносит их к хрустальным высотам. В начале лекции он растаптывает творение, а в конце заседания присяжных объявляет: “В романе есть два чётко прописанных момента. Первый – это плутовской роман, весёлый, изящный, лёгкий, иногда очень пошлый, обращённый к Сталину. Второй – это трагический роман, роман о Фаусте, обращённый к нам, серьёзным читателям”.

Надо же так походя лягнуть теперь уже Сталина! “Плутовской, весёлый и пошлый роман” – это для Сталина. А что, большее он не мог поднять? Или так решил Быков, что вождь нехстати выразился по поводу одной вещицы, что она-де будет “посильнее Фауста”? Но спасибо и на том, что, оказывается, в булгаковском романе есть мощная интеллектуальная составляющая, как раз по нашим мозгам. Приятно, чёрт возьми, когда твой умственный горизонт поднимают выше властителя страны! Но лектор вновь повторяет, что роман “Мастер и Маргарита” призван оправдать зло. То есть главный поклёп Быкова на Булгакова сохранён неизменным: “Роман адресован величайшему злодею в обмен на жизнь нескольких художников”. Более того, он его усугубляет обвинением, будто Булгаков заключил договор с дьяволом. Как это напоминает приём уклонения на ином допросе: “Это не я, это он убил!”

Но ведь тёмные силы в книге и впрямь выглядят премо. Ведь и вправду у Воланда появилось множество поклонников, писавших на стенах: “Воланд, мы ждём тебя”. И, кажись, дождались...

Быков осмеивает Булгакова за описанную им беседу со Сталиным: “Разговор был проведён ясно, сильно, государственно и элегантно”. Но ведь именно таким предстаёт Воланд в романе! Мы оставляем за скобками скрытый сарказм Булгакова в описании разговора с вождём. Ведь и вправду мессир был

карающим мечом всякого рода проходимцев (и не важно, что это “пескари”, попавшие под горячую руку, а “щук” и тем более “акул” тот не тронул). Ведь и вправду Га-Ноцри показан слабым и не способным устранить зло. Так на кого уповать, как не на силу имеющих – Воланда в том мире и Сталина в этом? И крыть вроде бы нечем. Да и что мог написать Булгаков в 1930-е годы? Что тьма когда-нибудь рассеется, а солнце неизбежно встанет? Прозвучало бы с виду оптимистично, но плоско. Когда-то революционеры в тюрьмах мечтали о победе пролетариата, и она произошла. После чего почему-то этих революционеров стали расстреливать пачками свои же “пролетарии”. Бухарин перед арестом писал потомкам о будущем торжестве партийной справедливости. Тоже был оптимистом...

Булгаков не стал утешать, но в то же время, упрямо заявил, что Га-Ноцри, как и полагается, воскрес, и царство света есть. Причём ему, ничтожному проповеднику, почему-то подчиняется и сам Воланд. Почему – не объясняет. Просто констатирует. И оказывается прав применительно к самому себе и к совершенно непечальному для советского времени роману. Но именно в советское время его и напечатали. Почему-отчего, когда не проходили куда более пресные вещи, – загадка. Просто пришло время, и роман явил себя миру. Сильные мира сего подчинились какому-то Слову, и все стали повторять: “Рукописи не горят... рукописи не горят...” То бишь Слово не исчезает. Подлинное, конечно, а не словеса вообще. Но они-то активно внедряются массой интеллектуалов в философию, журналистике, а также литературе и литературной критике. Потому что, кроме подлинно вечных проблем, есть злоба дня, выражаемая политикой, идеологией и пропагандой. И когда в эту “злобу дня” суются умные талантливые артисты, писатели, режиссёры, поэты – становятся одномерными. Уж лучше бы они писали, играли, ставили про “вечное” и молчали про “злобу дня”. Это дало бы обывателям основание предполагать в них невысказанную глубину и скрытую мудрость. Это как с “Тихим Доном”. С его разбором Быковым совсем становится весело...

“Тихий Дон”

Д. Быков на своём открытом уроке для школьников (а “школьниками” выступает любая аудитория, где он вещает) заявил, что описание гражданской войны в романе начинается с адюльтера и масштабы измены лишь возрастают до уровня исторической эпохи. Такой зачин выглядит как вполне оригинальное наблюдение. После чего Быкова выдает уж больно спорное: “Гражданская война началась потому, что Григорий полюбил Аксинью. Вот и вся история”.

Быков-трикстер совершенно уверен, что любая изреченная им мысль (привет Тютчеву!) будет воспринята слушателями с благодарностью. И какой бы дичью она ни выглядела, он сумеет обставить её нужными подпорками и напугать интеллектуальный туман надлежащей плотностью. Для этого лектор выводит изящную формулу: роман о том, “как за частные грехи люди расплачиваются всемирной катастрофой. Вот об этом “Тихий Дон””. Но тогда получается нечто несусветное, а именно: сложность эпохи вырождается в благонамеренный призыв: “Не изменяйте, жёны, мужьям, а мужья – жёнам, не то война будет!” Тогда спрашивается: почему гражданские смуты вспыхивали во вполне патриархальных обществах?

Понимаю, логические вопросы задавать бесполезно там, где царит не логика, а нечто иное, то, что можно охарактеризовать как любование своей оригинальностью. Хотя лектор делает, в общем и целом, верное, хотя и не оригинальное замечание: “Распад страны начинается с распада семьи”. Но тогда Быкову нельзя быть либералом, а надобно переходить в лагерь консерваторов! Однако в таком случае безусловно прав Каренин, осуждая свою жену Анну. И уж если связывать гражданскую войну с адюльтером, то Анна Каренина виновата в этом много больше Аксиньи, ибо принадлежала к правящему классу и начала процесс измены мужу задолго до рождения казачки с далёкого хутора. Хотя, с другой стороны, Чехов советовал: “Если тебе изменила жена, радуйся, что изменила тебе, а не Отечеству!” Вот только как определить, когда первое начнёт перетекать во второе? Но лучше согласиться с мнением Набокова, который в послесловии к “Лолите”, к тому времени изрядно обсиженной критиками, упомянул о своём “отвращении к обобщениям, придуманным

литературными мифоманами”? Однако, если оригинальничать, то не останавливаясь. Шоу должно продолжаться!

Ну, хорошо, источник бед нашли – бабы виноваты! Но для толстенных романов этого мало, нужны и другие, глубокие умозаключения. И они немедленно Быковым предлагаются. И тут становится не до юмора. Особенно когда слышишь восторженные повизгивания перед гением лектора. У России, как известно, две основные проблемы: дураки и дороги. Но не до такой же степени!..

А именно (внимание!): Быков переходит к главной части своего анализа “Тихого Дона”.

“Пафос этой книги, к сожалению, в следующем: этот народ ничем не объединён, он с равной готовностью кидается истреблять друг друга, у него нет никаких моральных опор... Все убивают друг друга запросто. И всё, что осталось, – тёмная стихия рода”.

Перед нами типичное утверждение российских либералов насчёт “этого” народа и “этой” страны, где, по-хорошему, не стоит жить, а лучше из неё “валить”. К роману Шолохова оно не имеет никакого отношения: для этого нужно прочитать сам роман, а не его интерпретации. Но каждый воспринимает в читаемом, что может и хочет. Такова идеология наших либералов. Россия для них – страна чужая, в которой “чёрт дёрнул их родиться”. И живут они в ней потому, что тут прибыльно. Однако они не просто занимаются посильным интеллектуальным бизнесом, но и внедряют своё мировоззрение. В том числе гиперкритическое отношение к стране пребывания. В частности, Быков на примере “Тихого Дона” внушает деткам, которые роман не читали, что там писано про ущербность России и населяющих её туземцев. Лектор пафосно, с напором утверждает: народная жизнь подобна реке (намёк на название книги). “Но река ни перед кем не даёт ответа, у неё нет морали. Вот и народная жизнь такая же река... Нет никакой морали в истории. И никаких общих идей нет у этих людей. И не верит никто ни во что, а сплачивает их только тёмная стихия рода и необходимость сельской работы” А по окончании сельхозработ, – вдохновенно врёт Быков, – воюют. “Потому что делать больше нечего. И вот эта страшная жизнь, которая состоит из обиходной войны и такого же обиходного труда, который никакого смысла не имеет, легко убить друг друга, потому что их ничего не связывает, не сплачивает”.

Комментировать эту русофобию нет смысла. Остаётся лишь поинтересоваться размерами гонораров за подобные “лекции”. Как говаривал Остап Бендер: “Почем опиум для народа”?

“Тарас Бульба” с точки зрения либерала

Повесть Гоголя издавна рассматривается как патриотическая, а значит, не может не раздражать либерал-космополита. Но чтобы бросить вызов устоявшейся точке зрения на произведение, надо иметь смелость и веру в себя, Дмитрия Быкова.

Итак, берём текст. Читая его, “мы вступаем в область темнот и догадок, – объявляет лектор, – потому что адекватной интерпретации “Тараса Бульбы” нет ведь до сих пор. Мы не знаем, про что вещь. О чём и для чего она собственно написана”.

Мы – это кто? Быков не поясняет, что “они” – это так называемые либералы, оставляя у школьника ощущение подлинной, а не надуманной загадки. И вправду, ну, не ради же какого-то там патриотизма корпел писатель над бумагой! Хотя Быков признаёт, что это национальная вещь, и “Тарас Бульба” есть “история Украины”, а какой народ может существовать без патриотизма? Тут и впрямь озадачишься, ибо Быков входит в число сторонников движения “Крым – не наш” и сочувствует борьбе свободолюбивых украинцев против московитско-путинской агрессии. А значит, вроде бы должен поддержать патриотический порыв “незалежных”, чему могла бы послужить и повесть классика. Но в том-то и дело, что не может! Гоголь написал не про патриотизм “свидомых”. В тексте не раз Тарас Бульба называет себя русским! И воинство своё – русским. В те времена крепко помнили об историческом единстве. Отсюда задача у либерала: интерпретировать текст не в русле традиции, а как-нибудь по-особому, “по-нашему”. И Быков расстарался...

Первым делом он указывает на крамолу: “Разумеется, в любой школе, особенно сегодня, повторяют волшебные слова: “Нет уз святее товарищества”, — и говорят, что надо обязательно гибнуть за родину и за идею, и в этом смысле Остап — герой, а Андрий — предатель, а Тарас Бульба — носитель лучших традиций боевого гопака”. (Оцените тонкость иронии!) “Всё это, конечно, умилительно, — продолжает литературовед, — но всё это не имеет никакого отношения к гоголевскому замыслу. Давайте попытаемся разобраться, про что “Тарас Бульба””.

Ради такого богоугодного дела он даже смиряет гордыню (а Быков не скрывает, что претендует на Нобелевскую премию) и льстит школьникам. “Почему я обращаюсь к вам... Я хорошо знаю современного школьника, потому что мне много приходится преподавать... Мы уже люди отжившие, и с нас никакого спроса, соображаем мы туго... а дети понимают всё... поэтому вы честно можете ответить на вопрос: про что “Тарас Бульба””.

Как понятно из предисловия лектора (а дети, как констатировал Быков, народ понятливый), версии про патриотизм и прочую ерунду — не предлагать. Однако первый же школьник выдал: повесть о противопоставлении патриотизма и любви-страсти...

Опровергнуть Быков данный подход не в состоянии, и вынужден согласиться, что есть такое дело, и автором расставлены необходимые акценты: позорная смерть Андрия и героическая — Остапа. Но, но, но... Быкову нужен другой ход мыслей у школьников, и он уверен, что сумеет этого добиться: “Что-то уж больно получается простой сюжет: любить надо Родину, а не панну”.

“Ужасно всё запущено, — сокрушается Быков. — Очень долгое время русскую литературу... в школе преподавали с одних позиций: мы самые добрые, мы самые лучшие и самые чистые, поэтому сейчас мы всех убьём”.

Конечно, лучше было наоборот: преподавать, что мы не добрые, не чистые, не лучшие, а убивать надо нас самих, или, по крайней мере, не бороться нам с врагами. Как там Смердяков говаривал: “В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого... и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с...”?

Непатриотично, конечно, сказано, — вздохнёт либерал, — но как верно! Особенно с учётом нынешней политической ситуации...

Ну, хорошо, ситуация вскрыта, очерчена, и надо её исправлять.

Преподаваемая в школе “доктрина русского патриотизма ужасно фальшивая”, — уверяет Быков. А как же Гоголь?

“Понимаете, какая штука, — размышляет лектор. — Гоголь — умный писатель... и писать большую вещь ради того, чтобы противопоставить Родину и панночку, он бы, понимаете, наверное, не стал бы”.

Но почему б не стал? Ведь в повести речь идёт не о панночке как таковой, потому она и имени не имеет. Речь идёт о принципиальном выборе, и он заключается не в любви к девушке, а в предательстве товарищей. И делается выбор осознанно.

“— Не обманывай, рыцарь, и себя, и меня, — говорила она, качая тихо прекрасной головой своей, — знаю и, к великому моему горю, знаю слишком хорошо, что тебе нельзя любить меня; и знаю я, какой долг и завет твой: тебя зовут отец, товарищи, отчизна, а мы — враги тебе.

— А что мне отец, товарищи и отчизна! — сказал Андрий. — ...нет у меня никого!.. Кто сказал, что моя отчизна Украина? Кто дал мне её в отчизны? Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для неё всего. Отчизна моя — ты! Вот моя отчизна!”

Это кредо современного либерала: “Что мне отчизна, когда есть объект более сладкий”. Гоголь — здесь согласимся с Быковым — писатель умный, и предвидел будущую коллизию.

Быков сюжет знает прекрасно, но детям надобно внушить, что глупо в качестве нравственного ориентира держаться патриотизма. Ради этого делается оригинальный пируэт...

В мировой литературе есть несколько метасюжетов (эпосы о войне, странствиях, самопожертвовании), а ещё, добавляет Быков, есть метасюжет о том, как сыновья разрушают мир отца. И в этом пункте можно согласиться с Быковым. Но только со своей колокольни, понимая под “сыновьями” нынешних либералов, уже дважды порушивших мир Отца (в феврале 1917-го

и в годы “катастрофы”) и готовых это сделать в третий, наверняка уже последний. Но Быков, разумеется, имеет в виду совсем иное. А именно: “...сюжет “Тараса Бульбы” о том, как мир отца разрушается детьми. Дети здесь разложены на две ипостаси: ...Остап — это сила, честь, жестокость, когда это нужно, Андрий — это любовь, милосердие...”.

Он несёт в осаждённую крепость продукты голодной панночке и её матери. И это, без сомнения, оправдательный поступок. Воюют мужчины, и негоже воевать с женщинами и детьми. Гоголь как крупный писатель не мажет Андрия дёгтем, а демонстрирует его “амбивалентность”: хотел, как лучше... Быков, понятно, ухватывается за этот момент, чтобы вложить в умы школьников свою идею.

“Андрий остаётся в Дубне не потому, что он любит панночку... его милосердие останапливает. Ведь казаки осаждают этот город без всякого внешнего повода... Тарас Бульба, когда не воюет, ему жить неинтересно... Им кажется, что они идут защищать единоверцев, притесняемых поляками... Андрий не находит радости в этих гулянках... Война для него — не главное развлечение”. И вывод: “Страшный ветхозаветный мир отца разрушается сыновьями”. Это и есть, по Быкову, главный сюжет Гоголя. И лектор добавляет: Христос тоже гибнет, утверждая своей смертью милосердие вместо ветхозаветной суровости. А Тарас Бульба жесток и мстителен, вымещая за гибель Остапа всем подряд.

Только при чём здесь патриотизм?

У Гоголя патриотизм и вправду не “школьный”. Все поступки героев повести не сводимы к паре понятных противоположностей: плохо — хорошо. У каждого своя правда, которая ведёт к греху. И чей грех больше — можно поспорить. Об этом потом размышлял, описывая события на Украине, Генрик Сенкевич в своём цикле романов “Потоп”, художественно отстаивая правду польской стороны. На этом ристалище ныне сцепились пропагандисты двух сторон — киевско-галичанской и русской. Уже без всякой поэтики. Прийти к единому знаменателю невозможно: каждый будет стоять на своей кочке зрения. Одно лишь ясно: национализм не синоним патриотизма.

Андрий не хочет воевать ради войны. Отлично! Андрий по-евангельски помогает голодным врагам: прекрасно! Но заявляет: *“Отчина есть то, чего ищет душа наша, что милее для неё всего”*. А либерал под этими словами понимает вполне определённые вещи в духе “надо валить отсюда” в лучшие места. И Андрий не собирается бороться за обновление Родины, он “эмигрирует”! Потому Быков напрасно проводит параллели с Евангелием. Иисус проповедовал, даже понимая, чем для него это кончится. Андрий же бежал. Да не просто бежал, а присоединился к врагам, чтобы сразиться с ними против казаков. Об этой детали Быков благообразно умалчивает, понимая, что школьники знают текст неважнецки, да и взрослые забывают детали...

“Отворились ворота, и вылетел оттуда гусарский полк, краса всех конных полков... Впереди других понёсся витязь всех бойчее, всех красивее... Так и оторопел Тарас, когда увидел, что это был Андрий”.

“Забудем” и мы про тот бой, а будем следовать за “концепцией” Быкова. Гоголь, естественно, не требовал от Андрия идти с котомкою за плечами проповедовать мир во всём мире. Но тот переступил некую границу, как сегодня преступают черту российские либералы, также внешне полные всяческих добродетелей.

Где та черта, за которой на смену добрым намерениям приходит предательство? Гоголь — об этом. А Быков — о своём.

“В будущем мир “свой-чужой” не будет определяющим. (Ой ли? — **Б. Ш.**) ... Мы может сказать, что Андрий — предатель, но проблема вся в том, что понятие предательства в этом случае — это понятие Тараса Бульбы. Для него предатели все, кто сострадает чужим...”

Если не заметить подлог (якобы для Тараса предатели те, кто сострадает чужим), то можно было бы даже согласиться с общим строем рассуждений Быкова. Но для наших либералов “чужие” — это мы, а свои те, кто поносит Россию, кто считает её историческим врагом.

Значит ли это, что Россия, а точнее, её правители — без греха? Нет, сушальность так же далека от истины, как и идеализация Запада. Западные державы вели множество войн в духе Тараса Бульбы, и уж точно с большим масштабом, чем запорожские казаки. Были ли там свои Андрии? Откликнулись ли тамшние писатели на коллизии между ветхозаветной жестокостью

и евангельским милосердием? Да, были написаны гуманистические книги “Хижина дяди Тома” и “Гекльберри Финн”, но вещи, схожие с гоголевским произведением о войне, появились лишь после Первой мировой. А до того в Европе и США не было выбора между патриотизмом и предательством. Такой коллизии там долго, аж до Второй мировой войны и появления коллаборационизма не знали. В этом плане Гоголь был первым. Он вообще многое предчувствовал. В частности, в отношении Украины – то, что для неё соблазн “панночки” и постоянного шатания между патриотизмом и предательством станет сквозным явлением.

Сегодня перед Европой встала та же проблема. Уже тысячи “Андриев” призывают проявить сочувствие к иммигрантам, их культуре, вере и вообще ко всему, что они несут. И это “вообще” всё больше начинает напоминать голливудское предательство своей родины. Из милосердия, понятное дело.

Или они правы, как прав Быков, втолковывая школьникам, как надо понимать литературу, а через неё – саму жизнь?

“Гарри Поттер” по Быкову

Всем знаком шекспировский афоризм: “Мир – это театр”. Но мир ещё и филология, ибо вначале было Слово. А дальше: “Слова, слова, слова...” Дмитрий Быков виртуоз слов, которые выдает за Слово, демонстрируя свои способности в том числе на примере приключений Гарри Поттера. Тема эпопеи уж больно завлекательна – борьба добра со злом и наоборот...

Противостояние добра и зла вечно, пока существует человек. Отчего так? С религиозной точки зрения потому, что зло дозволено самим Богом. Почему дозволено – вопрос вопросов, на который нет удовлетворительного ответа, одни версии. А с материалистических позиций потому, что человек выделился из животного мира с его перманентной борьбой за доминирование как условие выживания и развития. Этому предмету даже посвящена специальная наука – этология. И хотя светлым умам мечталось, что звериная матрица будет при определённых условиях побеждена в человеке, выясняется, что она является составной частью его генотипа и полному изгнанию не подлежит. Тогда это будет не человек, а другой вид. Так что литературе, посвящённой борьбе добра и зла, тёмного и светлого начал, Божьего и дьявольского, исчезновение не грозит. Даже наоборот, у неё бестселлерские перспективы, что доказывает успех книг о мальчике, который почему-то выжил и вступил в борьбу с тем, кого нельзя называть.

Верно заявление лектора, что трагические герои в литературе появляются на переломе эпох, как Гамлет, Дон Кихот или Григорий Мелехов. Оно и понятно: в спокойное, штилевое время, когда всё “слава Богу”, герою трудно проявить себя. Но именно в спокойное время формируется “подполье”, предвестник будущего слома. И чуткие художники откликаются на “подполье” романами и фильмами, ставящими массовую аудиторию в тупик, ибо та не понимает многого из показанного, а “начальство” недовольно “искажением” действительности. И если Герой интересен массовому читателю и зрителю, то “подпольный человек” – узкому слою интеллектуалов. Но эпопее Джоан Роулинг выпала иная судьба. Её романы в наше “болотное” время сразу стали популярными и даже культовыми, чему, правда, сильно поспособствовал кинематограф. Однако у Дмитрия Быкова и в этом вопросе своя точка зрения. Он считает, что наш привычный мир стоит на пороге грандиозных перемен. И он прав. Вопрос только, в чём прав, а с чем согласиться невозможно.

“Надо сказать, что “Гарри Поттер” появился в очень тёмное время, которое мы переживаем сейчас”, – утверждает он. Это время, “когда идеалы гуманизма пали низко, как никогда”.

Заявление можно оспорить насчет “как никогда” и навскидку привести парочку времён куда большего падения идеалов, но не будем придираться к частностям. Главное – узнать, о чём идёт речь.

“Мы живём перед новым Возрождением, когда все идеалы возродятся”, – сразу успокаивает лектор аудиторию. Такой оптимизм греет душу. Вот только какое возрождение видит Быков-либерал? Разумеется, ново-либеральное. А именно: “Наступило время полукровок... Какой главный вызов современной Европы, из-за которого так шумит несчастная Марин Ле Пэн? Беженцы!.. Вот удивительно, как Роулинг это почувствовала... Проблема

чистоты крови. Люди, которые зависят от имманентных, то есть врождённых признаков и обожествляют эти признаки – род, пол, возраст, национальность – эти люди обречены проиграть. Потому что это примитив... Нельзя обожествлять то, что тебе дано. Гарри Поттер – это пророк новой эры, в которой от твоей крови не зависит уже ничего. В которой только ты сам себя сделал... Гарри Поттер имеет учение. Он принёс это учение: чем больше человек может освободиться, эмансипироваться от своих врождённых данных, тем вернее его победа... Наступает мир полукровок”.

Вот, оказывается, о чём эта детски-недетская эпопея. А мы-то думали – о становлении характеров, о воспитании истинной дружбы, о вхождении детей в мир взрослых с их вечной борьбой между тьмой и светом; борьбой как вне, так и внутри себя... Но Быков раскрыл нам глаза. Он считает, что эпопея сродни новому Евангелию, и он имеет полное право на такой взгляд. Любая книга живёт дважды: когда её читают и когда комментируют. Когда текст читается, запахивается дверца в иной мир, иное измерение. Когда текст комментируется, то есть над ним размышляют, то с этой реальностью устанавливают особые отношения. Книга оживает в рамках заинтересованного диалога. И в этой сфере у Быкова сильные козыри, потому что он профессиональный интерпретатор.

Повторимся: трактовки художественного произведения, как и любого другого социального явления, зависят от жизненного опыта и мировоззрения. Потому столь много интерпретаций классических вещей, что жизненный опыт многообразен. А если подключается творческая фантазия, помноженная на идеологические предпочтения, то получается результат, который не может удовлетворить всех читателей и зрителей, ибо у них свои ориентиры и вкусовые оценки. И это нормально. Но есть особая категория трактователей. В одной немецкой сказке выведен человек, имевший дудочку, обладавшую способностью увлекать за собой слушающих. Быков такой вот дудочник. Его заявление по поводу “Гарри Поттера” более чем “остросюжетно”. Вычленим из сказанного им узловые точки. Итак:

Наступило время полукровок.

Нельзя гордиться (“обожествлять”) своим народом, своей историей, своей страной.

Нельзя заморачиваться полом и возрастом, ибо всё это сегодня – примитив.

Раскрепостись и будь чистой индивидуальностью, самостоятельно делающей себя!

И это обращено к специфической аудитории, – подросткам, нашему будущему. Или оно уже не наше? Ведь что практически следует из этих постулатов?

Не заморачивайтесь полом. То есть секс возможен в любой комбинации.

Не заморачивайся возрастом. Значит, старшие вам не указ. Делайте, что хотите, да здравствует *праздник непослушания!*

Будьте космополитами. Родина там, где вам хорошо. Если плохо – вали-те оттуда, отряхнув прах страны с ваших ног. Пусть заморачиваются с нею другие.

Не держитесь за свою семью, своих предков, историю и культуру. Главное – самореализация!

Вот такого будущего хочет Быков новому поколению.

Возникает вопрос: а может, я утрирую, выводя такие умозаключения из “абстрактных” постулатов Быкова? Не думаю, потому что лектор не сказал ничего нового, что не вещали бы уже несколько десятилетий западноевропейские либералы и голливудская “элита”. А лектор – в тренде.

Для современников предыдущие поколения выглядят несколько простодушными. Они не знали того, что знаем мы. Они, к примеру, могли верить в социализм, а мы-то знаем, что надо было готовиться к карьере менеджера или, в крайнем случае, мерчендайзера. Они были атеистами, а мы знаем, что надо заходить в церковь и ставить свечку. Только мы ещё не подозреваем, что для потомков будем такими же простодушно-простоватыми, если не дураками, наделавших массу глупостей...

Что именно глупого мы можем натворить? Многое. Например, погубить природу этой прекрасной планеты. Или разрушить свою страну и её культуру. Наконец, разрушить своё личное будущее и, что главное, будущее своих детей.

Как это можно сделать? Во-первых, по неведению. Во-вторых, следя за ложной идеологией – набором идей, провозглашённых единственно верными, которым надо следовать.

Выше я отнёс либералов к деградантам. Но может быть, это поклёп? Ведь либерал всегда хочет исключительно хороших вещей: свободы (свобода – это, безусловно, хорошо, лучше несвободы), закона (защита закона – тоже хорошо, лучше беззакония), а также открытого рынка и не менее открытого общества. Кругом либералы хотят хорошего, а народ в России почему-то за ними не следует. Обидно. Для понимания взаимной нелюбви требуется разобрать, что такое “хорошо” и что такое “плохо”.

Библейский Бог, создавая Землю и всё живое на ней, повторял: “Это хорошо” (Бытие. Глава 1), – а потом устроил потоп всему созданному. Оказалось, не всё так просто с хорошим. У “хорошего” могут быть нехорошие последствия. Позже такую ситуацию облекут в чеканный афоризм: “Благими намерениями вымощена дорога в ад”. Так и с российскими либералами. Они всегда хотят, как лучше, а получается... В феврале 1917 года торжествовали над царизмом, а уже в октябре сдали власть большевикам. Либералы Горбачёв и Яковлев возглавили “перестройку”, которая обернулась “катастрофой”. Либералы во главе с Ельциным провели цикл реформ, отчего рухнула разграбляемая приватизаторами экономика, а государство зависло над пропастью. Пришлось искать спасение среди людей военной закалки. Другие бы задумались: отчего у нас, таких умных и со столь хорошими намерениями, так плохо получается, когда дело касается государства? Ответ прост: либералы – не государственники, государство для них – чужеродное тело. Но либерал не тот, кто видит бревно в своём глазу, а винит всех, кроме себя, и, прежде всего, народ с его “не той” историей. Мол, был бы “тот”, всё пошло бы иначе. Как на Западе. А пока не появился “правильный” народ, либералы готовы давать советы, как надо жить и что делать. Вот и Быков счастлив осчастливить слушателей рассказами, что не так в датском королевстве...

Быков и иже с ним призывают отказаться не просто от набора неких качеств, а от того, что крепит сообщество людей между собой. Это ведёт не к свободе, как уверяют современные либералы, а к социальной энтропии – разжижению и умиранию европейской цивилизации.

Об этом ниже, а пока одно принципиальное замечание.

Дмитрий Быков, как и полагается любому хорошему пропагандисту, демагог. Что такое демагогия? Во-первых, это сведение сложных вещей до уровня понимания их “детьми” (редукция), в ходе которых теряется масса важнейших нюансов, превращающих истину в её противоположность – ложное знание. Во-вторых, демагогия есть использование заведомо ложных посылок, на основе которых строится доказательная часть.

Примеры? В качестве подкрепляющего аргумента своей проповеди об учении мистера Гарри Поттера Быков вещает: “Нельзя ненавидеть человека за то, что он очкарик, нельзя презирать его за то, что он грязнокровка, нельзя ненавидеть иностранца, нельзя обожествлять себя за то, что ты здесь родился”. Это и есть демагогия. Ибо, конечно, нельзя! И всё это известно давным-давно и для этого не нужно городить некое новое учение. Всё перечисленное входит в систему обычного домашнего и школьного воспитания.

Или такое (цитирую): “Те, кто верует в Меня, спасутся”, – говорит Христос. Я бы добавил от себя, что те, кто действуют по образцу Гарри Поттера, тоже спасутся”. Значит, сам Быков точно спасётся. Ну, а мы, грешные? Только если станем “полукровками”? А если нам не захочется, что за сила принудит нас к этому? Тут мы переходим к главному.

Ведь для того, чтобы стать полукровками, необходима метисация. А для того, чтобы произошло желаемое, необходимо завезти в Европу миллионы, десятки миллионов африканцев, арабов и турков. “Ну, так давайте сделаем это!” – говорят либералы. Что и делается под видом беженцев или рабочей силы.

“Не приведёт ли это к растворению европейского менталитета и крушению европейской цивилизации?” – сомневаются осторожные. “Не бойтесь прогрессивного процесса!” – храбро отвечают либералы. И приводят аргументы и прокламируют учение в духе сказанного Быковым насчёт “полукровок”. Короче, “мы новый мир построим”. Но европейские народы это проходили, и не

один раз, с соответствующими результатами, после чего приходилось возвращаться к традиционным ценностям.

“Мир Гарри Поттера — мир всеобщей смешанности, мир без границ, мир глобализма”, — заявляет Быков. Ой ли? А деление на мир маглов и волшебников в романе? Там границы более чем чёткие. А разве сам мир волшебников един? На что тогда четыре факультета? Казалось бы, учи по единой программе... Но природа требует разнообразия. В этом залог успешной эволюции.

Ну и, наконец, как там лелеемые “беженцы”? А они собираются отказываться от всех перечисленных Быковым качеств? Очевидно, что нет, и тем самым они получают преимущество в борьбе за жизненное пространство перед толпой не ведающих родства, с порушенными социальными связями. Всё это уже было. Достаточно почитать историю Римской империи II–III веков. Некогда великий народ превратился в стадо, не способное защитить себя и вынужденное приглашать управлять собой вчерашних рабов (вольноотпущенников) и нанимать солдат из варваров, что, естественно, не спасло от захвата их государством иноземными племенами.

“Орфей спускается в ад”. По легенде, он спускался в царство теней за умершей возлюбленной. А нынешняя Европа спускается туда за толерантностью. Учитывая превозношение (в кино это особенно заметно) содомии, получается, что старушка-Европа мечтает о том, чтобы её отымали противоположенным, но при этом сладостно-прогрессивным образом. Причём, если следовать за верой, прокламируемой Быковым, надеется получить в итоге метиса — шоколадного, курчавого ребёнка, идущего ей на смену. Ну-ну. Только что будет в окончательном раскладе? Что за мир получится? Мир поздней античности? А пока что ведётся соответствующая пропаганда, ставятся фильмы, преподают в детсадах и школах учение о половой толерантности.

Так может: “Да здравствует чистокровность!”? Да нет никакой чистокровности, и давно. Европейские народы объединились в Союз с открытыми границами и свободой местожительства. В Советском Союзе провозгласили желание создать единую общность — советский народ. Не вышло? Так не потому, что испугались метисации. Нации оказались сильнее интернационализма. Исторический опыт свидетельствует в пользу многомерности и многосложности проблемы единичного и общего. И нельзя очертя голову звать ни к чистоте крови, ни к полукровности. Любая крайность дорого обойдётся обществу.

В медицине “толерантностью” называют потерю организмом сопротивляемости к чужеродным вирусам. В обществе толерантность или индивидуализм, не опирающийся на почву национальной традиции, из этого же ряда.

Что же получается? Дмитрий Быков, хваля эпопею “Гарри Поттер” за её гуманизм, сам встал на сторону Упивающихся Смертью? А почему бы и нет? В последней книге Роулинг “Дары смерти” показано, что в определённых условиях добро любого человека может работать на Волан-де-Морта. Главное — не декларируемая задача, а конечная цель. А конечная цель для тёмных — разрушение того, что складывалось тысячелетиями и что цементирует человеческую цивилизацию.

Сказано: “Бойся данайцев, дары приносящих”. Точно так же бойся либералов с их хорошими намерениями и призывами, ибо это верный путь в социально-исторический ад. Доказано уже не раз...